(Продолжение. Начало «В» от 15.02.2023 , от 15.03.2023 , от 29.03.2023 , от 19.04.2023 , от 26.04.2023 , от 03.05.2023)

Газета «Вести» продолжает новую рубрику «Великие писатели Отечества». Нашим читателям мы предлагаем ознакомиться с краткой биографией людей, которые существенно повлияли на мировоззрение россиян, воспитание в них чувства прекрасного, сделали русский язык великим и могучим. При этом не будем забывать, что некоторые из них стали предвестниками трёх революций в Российской империи, приблизив смутные времена с кровавой круговертью. Великие писатели Отечества составляют часть нашей истории и заслуживают того, чтобы их творчество знали и помнили.

Материалы печатаются по книге «Сто великих писателей», авторы Любовь Калюжная и Геннадий Иванов, издательство «Вече», 2002 год, а также иным источникам.

Михаил Юрьевич Лермонтов

(1814–1841)

«Миссия Лермонтова – одна из глубочайших загадок нашей культуры», – писал Даниил Андреев, и эту мысль разделяли некоторые писатели и критики. По мнению Василия Васильевича Розанова, эта миссия заключалась в том, чтобы быть вождем народа, это если бы он продолжал жить и развиваться:

«Мне как-то он представляется духовным вождем народа. Чем-то, чем был Дамаскин на Востоке: чем были «пустынники Фиваиды». Да уж, решусь сказать дерзость – он ушел бы «в путь Серафима Саровского». Не в *тот именно, но в какой-то около этого пути лежащий путь* .

Словом:

Звезда.

Пустыня.

Мечта.

Зов».

Он же, Розанов, как, впрочем, и многие, считал, что вслед за Пушкиным «Лермонтов поднимался неизмеримо более сильною птицею». «Спор», «Три пальмы», «Ветка Палестины», «Я матерь Божия», «В минуту жизни трудную» и некоторые другие стихотворения Лермонтова, считал Василий Васильевич, составляют «золотое наше Евангельице». Замечательный поэт и критик Георгий Адамович так разделяет направления Пушкина и Лермонтова: «Пушкин был лишен ощущения (или, может быть, правильнее сказать: свободен от ощущения) греха и воздаяния, падения и искупления, рая и ада, если угодно – Бога и дьявола. Гётевское или шекспировское начало в нём было неизмеримо сильнее дантовского… Пушкина часто сравнивают с ангелом, с небесным явлением, но в том-то и «небесность» его, что он к нему равнодушен… Один лермонтовский «вздох» уводит нас отсюда за тридевять земель…» Адамович считает, что при всей любви Лермонтова к Пушкину своим творчеством он «возражал» тому, а «тревожным психологизмом своей прозы расщепил пушкинского безмятежно-цельного человека пополам».

Одним словом, если говорить несколько упрощенно, Пушкина и до сих пор многие воспринимают не религиозным поэтом, а Лермонтова – религиозным. Но при этом критики оговариваются об особом складе лермонтовской религиозности. Даниил Андреев пишет о полярности души поэта. В ней две противоположные тенденции: первая – богоборческая, вторая – «струя светлой, задушевной, теплой веры». И при этом Д. Андреев настаивает, что образ Демона – это не литературный прием, не средство эпатировать аристократию или буржуазию, а попытка выразить художественно некий

глубочайший, с незапамятного времени несомый опыт души, что это идет из глубинной памяти поэта. Демонизм – это часть самого поэта. Этим и объясняются некоторые факты его биографии: кутежи, бретерство, его юношеский разврат – какой-то особо угрюмый, тяжкий, его холодный и горький скепсис, пессимистические раздумья. Правда, с возрастом это стало уходить.

«Струя светлой, задушевной, теплой веры» с годами всё глубже проникала в душу Лермонтова. Д. Андреев считал, что Ангел, несший душу поэта на землю и певший ту песнь, которой потом «заменить не могли ей скучные песни земли», есть не литературный прием, а ФАКТ. Можно сказать, что Лермонтов единственный на нашей планете человек, который при рождении слышал пение Ангела и не забыл его потом, а помнил, или время от времени вспоминал, а мы всё забыли навсегда. Отсюда вообще необыкновенная гениальность поэта, отсюда разрывающие его противоречия и отсюда же его богатырские силы, которые он не знал, куда здесь, на земле, приложить.

Д. Андреев говорил, что если бы не гибель поэта под Пятигорском, то Лермонтов-старец достиг бы тех вершин, где соединяются этика, религия и искусство в одно, где все блуждания и падения преодолены, осмыслены и послужили к обогащению духа, и где мудрость, прозорливость и просветленное величие таковы, что всё человечество взирает на человека, достигшего тех вершин, с благоговением, любовью и трепетом.

Но это – если бы… Однако Лермонтов погиб от руки Мартынова. Погиб поэт… Невольник чести? Точнее было бы сказать: невольник глубочайших противоречий своей души. Это даже дает возможность некоторым критикам часть вины за дуэль возложить и на поэта.

Противоречия души Лермонтова проявились даже в таком, казалось бы, ясном стихотворении, ставшем, по сути, народной песней, как «Выхожу один я на дорогу…».

Выхожу один я на дорогу;

Сквозь туман кремнистый путь блестит;

Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу,

И звезда с звездою говорит.

В небесах торжественно и чудно!

Спит земля в сиянье голубом…

Что же мне так больно и так трудно?

Жду ль чего? жалею ли о чем?

Уж не жду от жизни ничего я,

И не жаль мне прошлого ничуть;

Я ищу свободы и покоя!

Я б хотел забыться и заснуть!

Но не тем холодным сном могилы…

Я б желал навеки так заснуть,

Чтоб в груди дремали жизни силы,

Чтоб, дыша, вздымалась тихо грудь;

Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,

Про любовь мне сладкий голос пел,

Надо мной чтоб, вечно зеленея,

Темный дуб склонялся и шумел.

[1841]

Лермонтов видит Божий мир, с верой в душе воспринимает его, но вместе с тем он хотел бы, чтобы мир был устроен несколько по-другому, чтобы одновременно как бы быть в двух мирах: и здесь, и там. А так, нет для поэта гармонии, нет той глубины свободы и покоя, которые ему грезятся.

Михаил Юрьевич родился в дворянской семье 3 (15) октября 1814 года в одном из домов на Садовой в Москве, напротив Красных ворот (сейчас на этом месте стоит памятник поэту, а метро «Лермонтовская», к сожалению, переименовали в «Красные ворота»). 11-го числа мальчик был крещен и, по настоянию бабушки, которая стала его крестной матерью, наречен Михаилом в честь её покойного супруга Михаила Васильевича Арсеньева.

Род Лермонтовых берет начало в Шотландии, он запечатлен в легендах о Томасе Лермонте, авторе древнейшего варианта «Тристана и Изольды».

Детство поэта прошло в имении бабушки в Тарханах, в Пензенской губернии. В 1828 году Лермонтов был определен в Благородный пансион при Московском университете, потом стал студентом этого университета, но закончить его поэту не пришлось: повздоривши с профессорами, он ушел из университета и поступил в Петербургскую школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. В 1834 году, по окончании этой школы, был назначен в лейб-гвардии гусарский полк. За стихи на смерть Пушкина поэта сослали на Кавказ. По возвращении из ссылки поэт стрелялся на дуэли с сыном французского посланника Барантом (кстати, на Черной речке, где стрелялся и Пушкин). После этой дуэли его опять отправили на Кавказ, в Тенгинский пехотный полк. В боевых действиях поэт проявил незаурядную храбрость, но царь постоянно вычеркивал имя поэта из наградных листов. Хлопоты друзей Лермонтова о переводе его в Петербург терпели неудачу. Ссора поэта с Мартыновым – считается, что произошла она не без интриг жандармских чинов – закончилась дуэлью 15 июля 1841 года. Похороны поэта состоялись 17 июля. «Были похороны при стечении всего Пятигорска, – пишет современник тех событий. – Тело поэта принял Машук, по склонам которого он взбирался некогда мальчиком…»

Эта могила оказалась временной. Е. А. Арсеньева, бабушка, выхлопотала разрешение перевезти прах внука в Тарханы. 27 марта 1842 года свинцовый гроб был поставлен на дроги и двинулся в путь. Теперь гроб поэта находится в фамильном склепе Арсеньевых.

Мартынов в наказание за убийство на дуэли был на три месяца посажен в Киевскую крепость на гауптвахту и предан церковному покаянию: церковные власти назначили ему 15 лет покаяния (он должен был жить при монастыре, посещать церковные службы и ежедневно являться к своему духовнику), но, по просьбам Мартынова, срок этот сначала сбавили до 10 лет, а потом, в 1846 году, его освободили совсем.

Говоря о творчестве Лермонтова, надо отметить, что поэт начал писать необыкновенно рано и, не достигши еще двадцати лет, писал уже такие зрелые, прекрасные стихи, как никто в русской поэзии. Например, знаменитый «Парус» «Белеет парус одинокий…» написан в семнадцать лет, а ведь это шедевр.

В каком бы жанре Лермонтов ни выступал – в поэзии, в прозе, в драматургии – на всё

ложится печать его гения. Поэмы «Демон», «Мцыри», «Песня про купца Калашникова…», множество лирических стихотворений, роман «Герой нашего времени», драма в стихах «Маскарад» – эти произведения стали шедеврами русского искусства. Считается, что творчество Лермонтова знаменует собой вершину романтизма XIX века, с одной стороны, и качественно новый скачок в развитии русского критического реализма, с другой. В Пушкине Лев Толстой, например, особенно ценил идеал прекрасного, а в Лермонтове – необычайную глубину нравственного чувства, дух поиска истины. «Какие были силы у этого человека! – говорил Толстой о Лермонтове. – Что бы сделать он мог! Он начал сразу как власть имущий… Каждое его слово было словом человека, власть имущего».

Михаил Лермонтов. Боевой офицер

Михаил Юрьевич Лермонтов известен прежде всего как гениальный русский поэт и писатель. Фигура его романтизирована, утоплена в слухах и мифах, что всегда сопровождают знаковые личности эпохи. Даже сейчас, упоминая имя поэта и признавая его литературное величие, напомнят, что Михаил был к тому же изрядный шутник, способный на любые каверзы, вплоть до скандала. На этом фоне бесконечной радости от возможности перемыть косточки Лермонтову совершенно теряется его военная служба на Кавказе в составе легендарного Тенгинского полка.

Родился будущий офицер и поэт в 1814 году в семье Юрия Петровича Лермонтова и Марии Михайловны Арсеньевой. Отец Михаила происходил из шотландского рода Лермонтов, а матушка имела прямое родство с дворянским родом Столыпиных и боярским родом Арсеньевых. Однако брак этот был несчастным. Скоро Юрий охладел к Марии и начал заглядываться на других особ противоположного пола. Во время одной из ссор Юрий Петрович просто ударил свою жену кулаком, что послужило началом конца семьи. Вскоре Мария умерла, а Юрий оказался один на один с тёщей – бабушкой Михаила Юрьевича Елизаветой Алексеевной.

Елизавета Алексеевна, старая вдова, держала поместье в кулаке и была женщиной решительной и волевой, поэтому шотландскому отпрыску пришлось чуть ли не бежать из большого имения тещи, оставив сына на попечение бабушки. Таким образом, Михаил Юрьевич остался в усадьбе Тарханы. Строгая Елизавета Алексеевна, на удивление, души в Мише не чаяла. Она тратила на его воспитание огромные суммы, но внук, чувствуя всё напряжение в его формальной семье, всё равно был несчастлив. Это положение отягощала и крайне слабое здоровье Миши. Кстати, именно поэтому еще в детстве бабушка его отвезла на лечение на Кавказ, который покорил будущего поэта.

Всё время Михаил был окружен учителями и наставниками, которых бабушка периодически меняла. Одним из учителей был полковник старой французской гвардии некий Жандро, пленник войны 1812-го года. Возможно, именно он и поселил в душе будущего офицера восторг перед ратной славой своими рассказами об эпохе той великой войны. В Тарханах стараниями бабушки была собрана прекрасная библиотека, и Михаил уже в 11-летнем возрасте занялся отчасти самообразованием, пока бабушка искала очередного достойного наставника. Так или иначе, но еще до поступления в московский Благородный университетский пансион Лермонтов знал, кроме русского, французский, немецкий и английский.

В 1828 году он поступил в пансион, сразу на старшее отделение, а в 1830-м Михаил перешел в сам университет. Уже через два года озорник Михаил, рассорившись с профессором Маловым, ушел из университета по собственному прошению (официально). Отправившись в Петербург под влиянием столыпинской родни и отчасти собственных терзаний, Михаил поступил в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. В 1834 году Лермонтов вышел за ворота школы уже корнетом лейб-гвардейского Гусарского полка. Несмотря на свою бурную литературную деятельность той поры, учебу в школе он вспоминал как «deux annees terribles» (два ужасных года). Эта меланхолия, скрытая под налетом гусарской бравады, прошла почти через всю его жизнь.

Далее последовал первый поэтический взлет, прерванный смертью Пушкина. Бомонд, гудевший всяческими небылицами в адрес погибшего Александра Сергеевича, раздражал молодого гусара. К тому же некоторые дамы с нулевыми способностями и таким же образованием (впрочем, как и сейчас) открыто симпатизировали Дантесу. В ответ на эти светские дрязги Лермонтов разразился стихотворением «Смерть поэта». Вскоре те представители бомонда, кого задел за живое талант великого поэта, принялись строчить на Лермонтова многочисленные доносы. Михаила арестовали и сослали на Кавказ в Нижегородский драгунский полк в чине прапорщика.

Оказавшись на Кавказе, он сразу принялся «учить татарский язык» (тогда так именовали азербайджанский) и посыпал голову пеплом, что не хватило времени его осилить. Заступничество родовитой бабушки, о котором Михаил и не просил, вернуло Лермонтова в Гродненский гусарский полк, а позже и в лейб-гвардии Гусарский полк. Так что первая ссылка оказалась легким вояжем.

Вернувшись в Петербург, он снова погряз в столичной жизни. И грянула та самая дуэль, которая круто изменила жизнь поэта, словно сама судьба старалась «уберечь» Лермонтова от бессмысленности придворного бытия. Причин дуэли Михаила Юрьевича с сыном французского посла Эрнестом Барантом выдвигают множество. Это и борьба за сердце придворной особы, и острый язык Лермонтова, и его нелюбовь к французам после пушкинской дуэли и так далее. Так или иначе, 18 февраля 1840 года (по старому стилю) в Петербурге в районе Парголовской дороги состоялась дуэль. Сначала дуэлянты бились на шпагах, когда клинок Лермонтова сломался, перешли на пистолеты. Барант промазал, а Михаил Юрьевич, пощадив соперника, выстрелил в воздух.

После дуэли Михаила Юрьевича через несколько недель арестовали и предали суду. По великой мудрости и традиционной опаске обидеть высоких заморских гостей сынишку французского посла к разбирательству не привлекали вовсе, даже осуждения не выказали. Некоторые офицеры при дворе начали смотреть на Баранта, мягко говоря, неодобрительно. Пока французский франт продолжал наслаждаться высшим обществом, гвардейский офицер сначала находился под арестом в Петербургской офицерской тюрьме, а позже на Арсенальной гауптвахте. Поэтому Барант принялся утверждать, чтобы повысить свою репутацию, что поэт целился в него, но промахнулся.

Эффект получился обратный. Во-первых, поэт-то мог промахнуться, но вот офицер уже вряд ли. Во-вторых, а это главное, даже если представить, что Лермонтов солгал, то причин для этой лжи не было никаких. Это никак бы его судьбу не облегчило, ведь судили его не за участие в дуэли, а «за недонесение». Если бы, конечно, Михаил Юрьевич пристрелил француза, то был бы осужден за убийство, а остальные участники – за пособничество. К тому же, узнав о сплетнях, распускаемых Барантом, Лермонтов настоял на личной встрече с французом, во время которой предложил еще раз стреляться, намекая, что теперь-то точно отправит помилованного Баранта в гроб.

Но сыну французского посла не пришлось потеть, размышляя по поводу новой дуэли. Власти быстро узнали об этом и потребовали у Михаила Юрьевича принести Баранту извинения. Лермонтов наотрез отказался. В итоге молодого офицера отослали на Кавказ в Тенгинский полк, т.е. на один из самых горячих участков, казалось бы, вечной войны. Сделано это было, несомненно, по указанию сверху, т.к. дуэль стала известна в Европе и выставила сплетника Баранта, а, соответственно, и престиж Франции на посмешище.

10 июня 1840 года Лермонтов прибыл в дом командующего Кавказской линией в Ставрополе. Ставрополь по сравнению с другими населенными пунктами Северного

Кавказа был настоящим центром жизни. Сюда приезжали офицеры из центральной России и с форпостов империи на Кавказе в ожидании нового назначения. Кипела торговля с горскими жителями. Каждый вечер друзья, родственники и знакомые, не видевшие друг друга месяцы, а то и годы, готовясь к очередной долгой разлуке, устраивали кутежи. Роскошная по тем меркам и условиям гостиница «Найтаки» (названа в честь главного арендатора грека Петра Найтаки) даже получила условное название «офицерский клуб», где некоторое время и жил Лермонтов. Сейчас историческое здание арендуют торговцы всех мастей, внося неповторимую нотку дикости в архитектуру.

Наконец пришла пора отправляться и Михаилу, но распределение раздосадовало его до крайности. Офицер должен был ехать на Черноморскую береговую линию. А это полностью лишало его хоть какой-то даже малейшей свободы действий. Нет, не тягчайшая служба испугала 26-летнего Лермонтова, а сам факт постоянного ожидания на месте. Поэтому Михаил Юрьевич, узнав, что готовится военная экспедиция против отрядов самого Шамиля, немедля начал писать прошения отправить его в это пекло.

В это же самое время вошел в силу мюридизм. Это суфийское учение из Персии стало завоевывать умы простых людей своей доктриной равенства правоверных. Лидеры горцев, поняв эту нехитрую истину соблазнительности посула, взяли мюридизм на вооружение, объединяя народы. Однако демократией здесь и не пахло. Мюридизм быстро стал политическим и военным оружием, т.к. сплоченный народ мигом направили на войну с Российской империей, объявив газават. Вскоре наибы (наместники) имама и их приближенные обложили народы таким высокими поборами и ввели настолько жесткие суды, что мюридизмом уже и не пахло. В итоге в нашей истории мюридизм ассоциируется исключительно с кровопролитными войнами.

В итоге на волне, так скажем, «политического мюридизма» начал подниматься аварец Шамиль. Непосредственно для начала войны новый лидер принялся за административное устройство края, чтобы сплотить различные племена и этносы в единое войско. На призыв Шамиля уже стекались ичкеринцы, качкалыковцы, галашевцы, карабулаки и чеченцы. Для противодействия этому войску формировался экспедиционный отряд под командованием генерала Аполлона Васильевича Галафеева, который уже имел награды за победу над имамом Ташев-Хаджи и за успешный, но кровопролитный штурм горного укрепленного аула Ахульго в Дагестане.

Собираемый Галафеевым отряд, как и все другие отряды, отправлявшиеся воевать с воинственными имамами Чечни и Дагестана, называли Чеченским, и формировался он в

крепости Грозной, основанной генералом Алексеем Петровичем Ермоловым (ныне город Грозный). Добившись упорными прошениями своего перевода именно сюда, Лермонтов к концу июня (началу июля) вошел в крепость Грозная и вступил в состав экспедиционного отряда в чине поручика.

В 1840-м году общая ситуация на Кавказе ухудшилась до критического уровня. На Черноморской береговой линии пали форты Лазаревский и Вельяминовский, обессмертил себя гарнизон Михайловского укрепления, в котором сражался Архип Осипов. Наибы, мудиры и мюриды Шамиля изо всех сил сколачивали для своего имама единый имамат с единой армией, отправляясь в самые удаленные от Чечни и Дагестана кавказские земли, в том числе и на Черноморское побережье. Отчасти им в этом помогал голод, прокатившийся по Кавказу, погруженному в войну.

Оголодавшее население гораздо охотнее шло в войско. К тому же был введен запрет на торговлю с русскими, что ввергало в голод еще больше.

В самой Чечне и соседних землях Шамиль смог собрать войско, в которое входили представители почти всех племен, родственных народов и кавказских обществ региона. Теперь даже его политический вес вырос, ведь он мог, пользуясь рекрутированными из разных мест мюридами, называться правителем этих племен и обществ хотя бы в чисто популистском смысле. Всё больше аулов вольно или невольно принимали шамильских мюридов у себя, глядя, какой статус приобретали выходцы из их аула рядом с имамом.

Учитывая серьезность положения, генерал Павел Христофорович Граббе, командующий войсками Кавказской линии и в Черномории, в октябре 1940-го года лично прибыл в Грозную. В крепости он принял на себя командование над отрядом Галафеева, который, по мнению Граббе, оказался недостаточно результативен. Правды ради стоит отметить, что заслуженный генерал Галафеев в самом деле не предпринимал крупных походов вглубь «имамата Шамиля», опасаясь потерять солдат в абсолютно неизведанных ими землях.

В октябре 40-го, когда Граббе готовил новую экспедицию, Лермонтов писал Алексею Александровичу Лопухину (приведено в сокращении):

«Милый Алеша. Пишу тебе из крепости Грозной, в которую мы, то есть отряд, возвратился после 20-дневной экспедиции в Чечне. Не знаю, что будет дальше, а пока судьба меня не очень обижает: я получил в наследство от Дорохова, которого ранили, отборную команду охотников… Мне тебе нечего много писать: жизнь наша здесь вне войны однообразна; а описывать экспедиции не велят… Может быть, когда-нибудь я засяду у твоего камина и расскажу тебе долгие труды, ночные схватки, утомительные перестрелки, все картины военной жизни».

Вскоре после этого скромного послания поручика Михаила Юрьевича с его «охотниками» прикомандировали к кавалерии под командованием князя Голицына, входившей в состав нового экспедиционного отряда. Уже к 27 октября подготовленный к походу Павлом Христофоровичем отряд вступил в Малую Чечню. Здесь необходимо несколько уточнить: понятия Большая Чечня и Малая Чечня часто встречаются в дореволюционных источниках. На деле же Большая Чечня – это районы, расположенные по правому берегу реки Аргун вплоть до Аксая, а Малая Чечня – это регион левобережья Аргуна, включая горную часть и Надтеречного района. Хотя это весьма расплывчатые границы.

Граббе решил полностью покончить с мятежными аулами, которые оказывали, опять же, вольно или исподволь, поддержку Шамилю. Поэтому, пройдя через уже знакомые по Валерику гойтинские и гехинские леса, отряд взял штурмом и уничтожил хозяйственные и жилые постройки в аулах, уцелевших после Галафеева.

Князь Владимир Сергеевич Голицын, командующий кавалерией в той экспедиции, был еще и другом Лермонтова. Правда, позже у них произошла размолвка. По одной версии, из-за дамы, как это часто бывает. По другой версии, во время устройства публичного бала для местного общества в Пятигорске Голицын бросил фразу «здешних дикарей учить надо». Естественно, Лермонтов, командующий отрядом, отчасти состоящим из этих самых «дикарей», смолчать не смог. Однако об офицере Михаиле Юрьевиче Голицын отзывался всегда с большим уважением.

Источник:
https://topwar.ru/155673-mihail-lermontov-boevoj-oficer-chast-5-zakljuchitelnaja.html